Глава 86: Единомышленники

Немного раньше:

Услышав слова А Жуна, Старый Шен нахмурился и произнес:

— Генерал Сунь, должно быть, занят и не может уйти в такое время. Господин, не все столь терпеливы, как Ван Цилан.

Чэнь Жун наморщил лоб и крикнул:

— Хватит глупостей, вперед.

Услышав такой решительный голос и подумав о его поведении, когда они вышли в городские ворота из поместья, он кивнул и ответил:

— Да.

Городской экипаж, предоставленный им в поместье ямэнем, для передвижения по городу, пока их дорожная повозка ремонтировалась после прибытия в Мо'ян, выехал на западную улицу, где остановился Сунь Янь. Пусть его гордская повозка в Наньньяне была маленькой, но этот экипаж и вовсе был крохотным, тут было только одно сидячее место рядом с возницей. На таких аньцзюй передвигались обычно барышни и дамы по поместью, если поместье было большим, для скорости, чтобы не утруждать свои культяпки, в которые были превращены ноги. В повозку - аньцзюй была запряжена всего одна лошадь.

Чэнь Жун попутно, в разговоре, от старика Шена узнал, что в Мо’яне около двадцати тысяч солдат, плюс еще две тысячи приведенных с собой Сунь Янем, и более десяти тысяч простолюдинов вместе с личной охраной главного клана. В общей сложности у них было гораздо больше людей, чем у Ху.

Тем не менее, противников возглавлял Бог Войны, целый Мужун Кэ! Легендарная личность! В этом мире он лишь второй после Жань Миня в военном мастерстве, причина в том, что этот невероятно, по слухам, красивый генерал, постоянно носивший маску на поле боя, был особенно хитер и изобретателен в своих тактиках.

Козел! Красивый козел!

Более того, если они действительно решатся на бой, то двадцать тысяч солдат в Мо’яне окажутся далеко не так хороши, как две тысячи солдат Сунь Яня. Это так же, как и воины Жань Миня. Один стоит нескольких. Правда, у Жань Миня еще и все близкое окружение и личная гвардия – маги, у генерала Суня куда как проще, возможно магами являются только несколько приближенных одаренные. У Мужун Кэ войско немного проще. Его войско

разноплеменное. А значит, не столь слаженное. По сути – это Орда. И магов, конечно, намного меньше. Естественно что генералы – маги. Возможно, капитаны – маги. Они связаны подчиняющими ритуалами. Но вот присоединившиеся племена не столь подконтрольны. Там магами являются вожди или шаманы. Считающие себя пупом этого края, хотя их сила часто несопоставима с силой Великого Кэ. Но как союзники,они в какой-то мере неприкосновенны. Ведь войско ху это союз племен Севера. Политика! Одно дело, демарш одного князя Ши, и совсем другое – содружества всех племен.

Со временем Князь Ши конечно подчинит всех своих союзников, но еще не сейчас. сейчас объединение только в своем начале. Племена сейчас, после захвата МоЯна и по слухам – легендарной добычи, активно присоединяются, рассчитывая за спиной войска Кэ пограбить империю, желательно не участвуя в серьезных боях…

Самодеятельные рейды на земли империи на уже завоеванных территориях, уничтожает сам Мужун Кэ и генерал Жань – объясняя это покушением на его добычу, а генерал – зачисткой бандитов. Разумно. Потому и началось активное присоединение ополчения племен к войску генерала.

И каждый из вождей этих племен– сам за себя. Единственный и неповторимый Вождь! Но Кэ прекрасно сознает, что не соперник Жань Миню и его тренированному и организованному войску где много одаренных. Во время следования их обоза вон тот как быстро с извинениями ушел с дороги генерала. Но Мужун Кэ славится и даже вошел в историю, именно как прекрасный тактик и стратег, а генерал Жань как узурпатор императорского трона с которого он принудительно сместит через несколько лет нынешнего Сыма, прервав династию и тем самым расколов империю на несколько самостоятельных княжеств, считающих свои права на престол более высокими. Генерал же будет схвачен с помощью блокирующих магию артефактов и сможет сбежать из тюрьмы, только заключив сделку с демонами. Это положит начало демонической войны. А генерал получит прозвище Черного генерала. Ага, как вроде сейчас он – белый. Но демонические народы пока в большинстве нейтральны к людям.

Но пока орда только формируется, набирая силу и собирая добычу. Поэтому племена с удовольствием дают ему свои отряды. С целью неплохо поживиться после его побед.

Только когда главные кланы пошлют своих обученных частных охранников, у прорывающихся появятся шансы.

Сидя в повозке, Чэнь Жун анализировал информацию, собранную Шеном, отчаянно обыскивая свою память. Он должен подумать и обрисовать все важные вещи, услышанные в прошлом А Жунь. И наложить их на свое послезнание. Ведь осада МоЯна не раз рабиралась на занятиях как пример военной ловушки и так же часто строились варианты спасения города. Ну или хотя бы его жителей. И теперь Чэнь Жун перебирал возможные варианты. Конечно, самым выгодным было действовать через служителей Ордена Нефритового Неба. Всегда можно пожертвовать меньшим.

Если во время прорыва уничтожить самых неудержных и бесконтрольных, то у генерала Кэ есть шанс удержать остальное войско от повального грабежа. В удержании от которого тот должен быть кровно заинтересован. А заинтересован тот будет только в случае, если обретет

источник и сделает МоЯн своей вотчиной. Что город падет – это однозначно. Вопрос – останется он в руинах как в прошлом его истории, или все же останется существовать?

Ха! Вот оно – решение! Кто ж будет разорять собственный дом, с риском повредить источник! В его ренальности служители взорвали источник, чтобы уничтожить максимум нападавших, уже устроивших резню в городе. Чем привели ху, точнее их демонов, в неконтролируемую ярость, залитую кровью защитников и жителей города.

Пока Чэнь Жун размышлял, экипаж остановился, и Старый Шен объявил:

— Господин, мы приехали.

Чэнь Жун в ответ кивнул.

Перед его глазами возникли северные ворота. Две тысячи человек Сунь Яня были размещены здесь, а их генерал жил в башне.

Он спрыгнул на землю и шагнул вперед.

Солдаты стояли, как неподвижный горный хребет. Их глаза не сдвинулись, увидев симпатичного юношу Чэнь Жуна.

Он начал подниматься по ступеням, как будто имел на это право.

Не успел он взобраться на стену, как в ушах его зазвучала печальная песня:

— Мир без героев, и так начинается царствование незаконных людей. Варвары буйствуют, и кости Хань лежат под снегом…

Он оглянулся и увидел нищего в лохмотьях, выставившего свою сломанную ногу вперед, постукивавшего по разбитой миске. Его унылый голос тянулся, гармонизируя с воем ветра. Внезапно мир окутал пугающий холод.

Наблюдая за ним, Чэнь Жун не мог не подумать: этот человек грамотен и, скорее всего, впал в нищету после переезда на юг. Он не только вынужден просить милостыню на улице, но он также больше не может гарантировать безопасность своей жизни. Не будучи сентиментальным, он должен был лишь мельком взглянуть на него, прежде чем продолжить свой путь. Однако сделав пару шагов, он оглянулся и выронил в миску нищего перламутровую пилюлю полного исцеления.

Пение позади оборвалось. Чэнь Жун усмехнулся.

Вскоре он добрался до башни, где, приподняв сцепленные руки, обратился к стражнику:

— Генерал Сунь здесь?

Когда тот заметил, что он одет в благородный наряд и обувь, стражник понял, что он принадлежит к дворянству. Он тут же почтительно ответил:

— Генерал Сунь отправился навестить мэра.

Чэнь Жун, естественно, в курсе, что тот отправился к мэру. Он повысил голос, чтобы произнести:

— У меня важное дело к нему. Пожалуйста, позвольте мне подождать его внутри.

— Да.

Как только он вошел, так сразу услышал шепот стражника:

— Если судить по его фигуре, этот юноша походит на девушку. К сожалению, такого красавчика тоже ждет смерть, как и нас.

По какой-то причине люди в эту эпоху всегда лелеяли и ценили молодых, красивых мужчин. Возьмем, к примеру, этого охранника. Он собирался умереть, но он с волнением пожалел Чэнь Жуна.

Чэнь Жун вошел в гостевой зал и выбрал угол, где присесть. Там было темно, что значительно скрадывало его фигуру и черты лица.

Время шло.

Через некоторое время раздался усталый голос:

— Разве мы не должны действовать вместе? Ясно, что Глава хочет только своего. Если бы я знал, что дворяне в Мо’яне так едины, я бы не привел своих братьев в это проклятое место.

Это крайне недовольный голос принадлежал Сунь Яню.

Другой грубый голос, воскликнул:

— Сейчас говорить это — бесполезно. Тактика Мужун Кэ окружить трех, отпуская одного, написана в Искусстве войны. Но если глава не говорит, что это уловка, он называет это

блефом. Отлично, мы позволим им прорваться через западные ворота. Они уверены, что там войско слабее всего.

В этот момент Сунь Янь хмыкнул, и устало сказал:

— Даже слуги Ван лучше, чем эти дворяне!

— Да, дом Ван из Лан’я известен. Но каждый раз, когда Ван Цилан открывает рот, тот всегда выступает против него. Господин, почему бы нам не послушать Ван Цилана? Давайте соберем все войска и вырвемся из южных ворот!

Глаза Чэнь Жун при этих словах загорелись. Его руки сжались в кулаки, а надежда возросла.

— Варвары появились слишком внезапно … как будто им что-то нужно, — вновь раздался второй голос, после короткой паузы.

В ответ Сунь Янь рассеянно хмыкнул.

— Генерал Сунь, — сказал в это время привратник, — Вас ищет симпатичный молодой человек. Он долго ждал в холле для гостей.

Он только передал факты, не вспомнив, что Сунь Янь и сам красив. Молодой генерал ненавидел слово "симпатичный", которым называли мужчин. Он мгновенно рявкнул:

— Я понял. Иди.

Человек с грубым голосом рассмеялся.

— Хорошенький парень? Как он может сравниться с нашим молодым Генералом Сунь?

— Заткни свою гребаную пасть! — закричал Сунь Янь, прежде чем уйти.

Одетый в броню и с усталым лицом, Сунь Янь быстро вошел в помещение. Он огляделся, как только вошел в дверь.

Увидев его, Чэнь Жун быстро встал.

Сначала генерал наклонил голову, чтобы оглядеть его, затем вздрогнул и махнул рукой:

— Прочь, всем выйти!

Молодой капитан тоже оценивающе осмотрел Чэнь Жуна. Он, казалось, не возражал против грубости Сунь Яня. Он только наклонил голову, изучая Чэнь Жуна, а затем снова посмотрел на Сунь Яня.

— Совсем как две скульптурные статуи небожителей,— пробормотал он через некоторое время.— Не думал, что столь красивые люди возможны.

— Стража! — рявкнул Сунь Янь.

— Есть! — вошли двое охранников.

Сунь Янь указал на молодого капитана и крикнул:

— Вышвырните этого парня!

Охранники без колебаний подчинились и пошли к молодому человеку.

Видя, что генерал действительно рассердился, молодой капитан махнул рукой.

— Хорошо, хорошо, я уйду.

К тому времени, как он добрался до двери, он все еще заглядывал внутрь с довольно раздражающим молодого генерала видом. Он посмотрел на Чэнь Жуна, затем на Сунь Яня, вздохнул, оглянулся на Чэнь Жуна, затем на Сунь Яня и снова вздохнул….

После того, как Сунь Янь отпустил своих охранников, он сделал несколько больших шагов к Чэнь Жуну, взял его за руки и дрожащим голосом сказал:

— Зачем ты пришел сюда, А Жун?— Его глаза покраснели, и он сердито закричал:— А Жун из дома Чэнь, ты знаешь, где мы? Знаешь ли ты последствия пребывания здесь?

Чэнь Жуну захотелось заплакать, когда он увидел интенсивность его беспокойства. Глядя на него, он вдруг сказал решительным тоном:

— Я знаю, как вырваться отсюда!

Сунь Янь замер. Он положил руку на лоб Чэнь Жуна и спросил:

—Мальчик, ты понимаешь, что болтаешь?

Чэнь Жун твердо держа свой взгляд, повторил:

— Я знаю, как вывести нас отсюда!

Сунь Янь склонил голову. Его прекрасное лицо выражало сомнение. Он протянул руку и нажал на лоб Чэнь Жуна. Увидев его ясные глаза, он поднял бровь и отпустил его. Затем отступив назад, сел напротив Чэнь Жуна. Сев, он взял бутылку вина, сделал глоток, затем посмотрел на Чэнь Жуна и сказал:

—Повтори это ещё раз!

Не торопясь, Чэнь Жун изящно присел. Движения обрели всю эту грациозность как-то помимо его воли. Он бы сел немного мужиковато, что он обычно и делал в прошлой жизни, но тело на автомате делало иначе. Он сложил руки на коленях, выпрямил спину, уставился на него и повторил:

— Я знаю, как отсюда вырваться.— Не дожидаясь ответа Сунь Яня, он понизил голос, чтобы продолжить: — Но я не скажу, откуда знаю это, даже если захочу сказать тебе. Сунь Янь, я просто знаю, что в эту ночь варвары будут строить планы а завтра с утра начнут перемещения войск. Из-за конфликта с плохо контролируемыми племенами, обосновавшимися у южных ворот, они хотят здесь ворваться в город, чтобы попасть сразу к богатым кварталам, конфликт затянется до глубокой ночи. И к часу быка на рассвете, солдаты Ху у южных ворот внезапно будут отозваны, оставив только три тысячи самых упрямых, а может, и меньше, из них на месте осадного лагеря. Кроме того, эти солдаты не принадлежат сердцем Мужун Кэ и не будут едины. При этом основное войско еще не подойдет к своим позициям. Это будет наш единственный шанс выжить – прорвав блокаду в этом месте.

Сун Янь внезапно уставился на Чэнь Жуна и спросил:

— Ван Цилан сообщил тебе это?

Чэнь Жун не был уверен, о чем он говорит, и вопросительно взглянул на него.

— Только что, Ван Цилан осторожно предлагал то же самое, но он не предлагал ничего конкретного. Он только сообщил, что мы должны завтра собрать все наши войска и вырваться из южных ворот следующей ночью, и, возможно, у нас появится надежда выжить. Однако дворяне Мо’яна не слушали его. Мэр даже не дал тому договорить. А Жун, что ты имеешь в виду, повторяя его слова?

— Он тоже так говорил? — пробормотал Чэнь Жун. Он опустил глаза, и в них мелькнул сумеречный луч, отразивший тоску в его глазах. — Оказывается, у него тоже нет другого выхода…

Сунь Янь с недоумением наблюдал за выражением его лица. Но потом внезапно вспомнил обоз беженцев. Там поговаривали, что у молодого господина Чэнь бывают предвидения…

Он взял себя в руки, затем посмотрел на него и решительно сказал:

— Если они не слушают нас, тогда это их проблема. Мы уйдем сами! Мы приведем две тысячи твоих солдат и вассалов дома Ван, а затем ночью вырвемся из южных ворот! У нас всего сутки на организацию.

Сунь Янь оглядел его с ног до головы. Через мгновение он махнул правой рукой и крикнул:

— Кто нибудь снаружи? Сходите пригласить Ван Цилана, и скажите ему, что он сможет найти тут лучшего друга.

— Да.

Лицо Чэнь Жуна просветлело, когда он услышал шаги, удаляющиеся в повиновении, мгновенно просияв улыбкой. Сунь Янь покраснел, наблюдая за его очаровательным лицом. Он слегка наклонил голову и больше не смотрел.

В комнате воцарилась тишина.

— Верно, — начал Сунь Янь некоторое время спустя, — Я слышал, что вассалы Ван были невозмутимы, когда входили в город, даже непринужденно улыбались. А Жун, ты, должно быть, пришел с ними.

Уловив тон в его голосе, Чэнь Жун решил, что его мудрость при входе в город не раскрыли. Казалось, это было личной волей Ван Хуна. Он никогда не видел этого человека насквозь.

— Да, — ответил Чэнь Жун, сдержавшись, — Это была моя идея. Я знал, что нам удастся войти через западные ворота и что Ху не нападут на нас. Мышеловка. Чем больше народа в городе, тем выгоднее осаждающим.

Глядя на него, Сунь Янь вскочил.

— Это была твоя идея?

Он кивнул.

Сунь Янь встал и прошелся по комнате. Через несколько шагов он остановился и повернулся, чтобы посмотреть на Чэнь Жуна глазами сиявшими все ярче.

— Ты знаешь стратегии ведения войны?! Это хорошо! Если ты тоже так думаешь, то мы вырвемся завтра вечером.— Он повернулся и вышел на улицу.

Чэнь Жун быстро его окликнул:

— Ты не подождешь Ван Цилана?

— Зачем мне его дожидаться? Я найду мэра Мо’яна и глав великих кланов этого города, чтобы сообщить им о моем решении. Мне плевать, если они нас не послушают. Ван Цилан практически бог, я предпочел бы официально верить ему.— С этими словами он вышел и исчез в мгновение ока.

Чэнь Жун улыбнулся его удаляющейся фигуре и, наконец, успокоился, покачав головой.

Он был немного опрометчив, когда только приехал в Мо’ян. Думая, что он пока всего лишь молодой мальчишка и что никто не поверит его словам, он рискнул предложить идею окружению Ван в надежде, что он завоюет доверие и покажет, что ему можно доверять. В то время казалось, что он достиг желаемого результата. Тем не менее, он не ожидал, что Ван пренебрегут его заслугами как постороннего. Более того, Ван Хун всегда отмахивался от него, когда он несколько раз пытался заговорить с ним. К счастью, то, что он сказал, совпало со словами Ван Хуна! К счастью, Сунь Янь был готов поверить им обоим!

Чэнь Жун рухнул на диван, поднял бутыль с вином и, откинув голову, залпом выпил вино.

В тот момент, когда он откинул голову назад, его зрение внезапно потемнело. Чэнь Жун опустил бутыль, рукавом промокнул рот, а затем взглянул краем глаза, после чего его лишенное изящества действие застыло.

Белоснежная фигура стояла в дверях, слегка склонив голову набок и слабо улыбаясь, с интересом глядя на Чэнь Жуна.

Ван Цилан.

Лицо Чэнь Жуна мгновенно покраснело.

Он знал, что аристократы на юге придавали большое значение манерам и внешности, так что у них даже имелись специальные инструкции и тренинги для своих детей. До сих пор он всегда помнил, что должен вести себя более грациозно перед другими, потому что это было очень важно. Когда люди верили, что один из них благороден из-за своей родословной, тогда его вежливость должна была исходить изнутри. Если человек был неотесан, они могли сказать, что он был прямолинеен или презирал традиции, что он не обращал внимания на то, что говорили другие люди, и что его поведение соответствовало беззаботным литераторам.

Конечно, причина, по которой Чэнь Жун придавал этому столь большое значение, заключалась в том, что некуртуазное поведение А Жунь высмеивалось благородными, а также служанками и наложницами Жаня в прошлом. Эти бесконечные насмешки, которые день за днем терзали ее самоуважение, превратились в психологический кошмар.

Подумать только, он попался на удочку знатного вельможи, впервые обнажив свою истинную неотесанность, а он к тому же являлся совершенно утонченным и богоподобным Ван Хуном!

Он двинулся к нему. Оказавшись на расстоянии половины вытянутой руки от него, он слегка наклонился вперед и сократил расстояние между ними.

В темном углу его глаза сияли, как звезды. Глядя на него со слышимым дыханием, Ван Хун протянул свои тонкие пальцы, чтобы помочь ему вытереть вино с губ, и мягко сказал:

— Как небрежно с твоей стороны.— Его голос звучал, подобно весеннему ветерку проходящему мимо.- Столь юным пить вино не положено. Это может создать дурную репутацию.

От его прикосновения Чэнь Жун медленно опустил руку. Он посмотрел в пол и медленно сел на свое место.

В то же время Ван Хун тоже присел на диван. Он поднял вино и откинул голову, чтобы сделать глоток, вытирая рот рукавом после каждого действия, как это делал Чэнь Жун. И все же его элегантность действительно исходила изнутри. Это были те же самые действия, но когда он выполнял их, было совершенно другое очарование по сравнению со всеми остальными.

Этого являлось достаточно, чтобы посрамить других. Чэнь Жун тихо вздохнул, но был благодарен ему. Он знал, что он по-своему утешает его.

Ван Хун отпустил свой запачканный вином рукав, поднял глаза на Чэнь Жуна и спросил:

— Разве Сунь Янь не сказал, что я могу найти здесь своего лучшего друга? Почему его самого здесь нет?

Услышав его, Чэнь Жун немедленно отбросил блуждающие мысли. Он выпрямился, вздохнул и посмотрел на Ван Хуна.

— Я только что сказал Сунь Яню, что солдаты Ху у южных ворот завтра внезапно будут переведены, и в Час Быка следующей ночью, останутся только три тысячи солдат. Эти солдаты, кроме того, не принадлежат лагерю Мужун Кэ; они не объединены. Именно их конфликт с генералом породит это слабое место. Это будет наш единственный шанс выжить.

В темноте выражение его лица являлось непоколебимым, но глаза смотрели немного уклончиво, когда он смотрел на Ван Хуна.

— После того как Сунь Янь решил позвать тебя сюда, он отправился искать главу Мо’яна. Он сказал, что если они не послушают его, то он возьмет свои две тысячи человек и сам вырвется отсюда.

Он произнес все это на одном дыхании, после чего в комнате воцарилась тишина.

Ван Хун посмотрел на него, медленно налил себе вина и мягко улыбнулся.

— Значит, лучшим другом Сунь Яня оказался ты, А Жун.

Он говорил легко, и Чэнь Жун не понял, имел ли он в виду комплимент или что-то еще.

Он допил вино и поставил чашу на стол.

— Если это так, то давай сделаем, как ты говоришь.

В экстазе Чэнь Жун не мог не спросить:

— Почему ты не спрашиваешь меня, почему я могу быть настолько уверенным?

Ван Хун наклонил голову, глядя на него с улыбкой.

— Ты расскажешь мне, если я поинтересуюсь?

Чэнь Жун покачал головой.

Он засмеялся и сказал:

— Тогда зачем мне тебя спрашивать?

Он также улыбнулся ему, опустив голову.

В это время прозвучал приятный голос Ван Хуна:

— А Жун, ты снова покраснел.

Чэнь Жун опустил взгляд, заломил руки и пробормотал:

— Я всегда выставляю себя дураком перед тобой.

— Разве это так?

— Да, — он собрал все свое мужество, чтобы посмотреть на него, моргая и, как будто ожидая его утешения.

Он не утешал его. Изогнув губы, он мягко сказал:

— Ты должен быть осторожнее.

Быть осторожнее? Что он имеет в виду? Он говорит, что он всегда неотесан, и поэтому ему нужно быть более осторожным?

Внезапно юное лицо Чэнь Жуна покраснело. Он поджал губы, но не произнес ни слова.

Он не заметил, что в это время Ван Хун лениво изучал его из тени.

Через некоторое время Чэнь Жун взял себя в руки и внутренне ощетинился: Ну и что, если он узнал? Он не болтливый человек, который будет ходить вокруг, чтобы рассказать другим о его неотесанной натуре. Он... он не выйдет за него, так почему его должно волновать, что он думает? При этой мысли он почувствовал себя намного лучше.

Небо темнело.

Чэнь Жун смотрел, как Ван Хун пьет вино, и почему-то не ощущал течения времени.

Это было очень странно. Иногда он действительно ощущал, что время двигалось очень быстро, когда он находился с ним, даже когда ничего не было сказано.

Так они просидели некоторое время, прежде чем послышались торопливые шаги. Эти шаги быстро пробрались к лестнице и были сопровождены командой Сунь Яня:

— Скажи нашим братьям приготовить ужин и приготовиться действовать. Не забывайте говорить тише.

— Да.

Сунь Янь немедленно вошел в зал. Он подошел к Чэнь Жуну и Ван Хуну, взял со стола чашу, из которой пил Чэнь Жун, откинул голову назад и сделал большой глоток.

Затем поставив чашу и, не обращая внимания на выражения Чэнь Жун и Ван Хуна, сердито закипел:

— Эти дворяне Мо’яна чертовски раздражают. Черт! Они настаивают на том, чтобы вырваться из западных ворот, и не позволяют мне забрать моих солдат. Ублюдки, они хотят, чтобы мои люди погибли первыми.

Он сел и сказал Ван Хуну:

— Я уже знаю, что они решили. Я не хочу больше об этом говорить. Ван Хун, я не дам им узнать, что я сделаю.— В его голосе слышалось легкое беспокойство.

Это было понятно. Каждое движение в это время вовлекло бы жизни в городе. Если бы Сунь Янь действовал самостоятельно, это было бы огромным ударом для людей Мо’яна, которые рассчитывали на его две тысячи человек. Таким образом, он смотрел на Ван Хуна и ждал его вердикта.

— Если решение принято, действуй, — с улыбкой сказал Ван Хун.

— Ты согласен? — воскликнул Сунь Янь в волнении.

Ван Хун ухмыльнулся и сказал:

— Они слишком сильные единомышленники. Если ты скажешь им, что хочешь вырваться самостоятельно, они только запрут тебя, а затем возьмут под контроль твоих солдат.

Сунь Янь вскочил на ноги, рыча:

— Так Я им и дам!— Как только его крик прозвучал, он вспомнил, что кажущийся утонченным глава Мо’яна на самом деле являлся тем, кто совершил бы подобную вещь в подобное время.

При этой мысли он решительно сказал:

— Хорошо, мы не дадим им знать. Мы сами отсюда выберемся. Он снова потянулся к недопитой чаше Чэнь Жуна.

Но он схватил пустой воздух.

Ван Хун неторопливо и грациозно протянул руку, взяв чашу Чэнь Жуна перед собой. Затем кинул ее в угол, как будто выбрасывал мусор, взял бутылку и налил каждому в новые чаши.

Он сделал эту серию действий так естественно, что Сунь Янь, не заметил ничего необычного.

Он отдернул руку, поднял чашу с вином, наполненную Ван Хуном, и выпил.

Чэнь Жун сначала сделал паузу, но когда увидел естественные действия Ван Хуна, его улыбающееся лицо и спокойное выражение, он больше не думал об этом. У него были свои планы на остаток времени до прорыва. И ему надо было поспешить.

http://tl.rulate.ru/book/1285/36136